

ХРАНИТЕЛЬ ЧУЖИХ СНОВ

Даниил Левин

Хранитель чужих снов

«Автор»

2026

Левин Д.

Хранитель чужих снов / Д. Левин — «Автор», 2026

Есть страхи, которые не лечатся. Есть сны, из которых не просыпаются. Арсений Градов — единственный в городе сомнолог, который умеет стирать кошмары. Без таблеток, без гипноза — он просто забирает страх, превращая его в хрустальный шар. Его клиника работает как часы. Пациенты уходят без памяти о ночных ужасах. Но один шар оказывается не кошмаром, а вещественным доказательством убийства. Мужчина в синем пальто. Женщина в луже крови. Лицо, которое Градов уже видел — на приёме у себя в кабинете. Полиция бессильна: сны — не улика. А влиятельный убийца уже знает о даре сомнолога. Теперь Градов — мишень. И единственный способ выжить — самому войти в сон преступника. Туда, где каждый коридор ведёт к его страхам, а обратная дверь может закрыться навсегда. Магический реализм, психологическая драма и расследование в одном флаконе. Без романтики, без хэппи-энда, но с ответом на вопрос: какую цену ты готов заплатить за чужой покой?

© Левин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Собиратель страхов	5
Глава 1. Тот, кто не спит	5
Глава 2. Женщина, которая не спала	7
Глава 3. Коридор	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Даниил Левин

Хранитель чужих снов

Часть первая. Собиратель страхов

Глава 1. Тот, кто не спит

Город назывался Ветроград. Он стоял на слиянии двух рек, и по ночам с залива тянуло сыростью, смешанной с запахом старого железа и цветущих лип. Фонари здесь горели желтым, но свет их казался вязким, как топленое масло. Люди говорили, что в Ветрограде тяжело спать. И это была не метафора.

Я — Арсений Градов — родился в этом городе и никогда не мог уснуть раньше часа ночи. В детстве мать водила меня к неврологам, эндокринологам, даже к бабке-знахарке на другом берегу. Бабка посмотрела на мои ладони, перекрестилась странным крестом — снизу вверх — и сказала: «У него зрачки вывернуты внутрь. Он видит то, что другим не снилось». Мать тогда испугалась и больше не водила.

Я и правда видел. Не будущее. Не ангелов. Я видел сны. Чужие.

Первое воспоминание: мне пять лет, я лежу в своей кроватке, за стенкой похрапывает отец. И вдруг — как толчок под дых. Я не сплю, но перед глазами не потолок, а серое небо, поле, танк. Горящий танк. И чей-то крик, такой сильный, что у меня заложило уши. Я заорал. Прибежала мать. Я сказал: «Папе снится, что он в войне». Отец тогда не воевал никогда — он был бухгалтером. Но утром выяснилось: дедушка, которого отец не знал, погиб под Прохоровкой. И отец видел его смерть каждую ночь, но молчал.

Я не знал, как это работает. Просто в пять лет я влез в чужой сон и испугался. А потом — не смог вылезти. Целый час я сидел в голове у отца, пока тот метался в поту. И запомнил всё: запах горелой резины, вкус земли во рту, чувство, когда осколок входит в живот и становится горячо.

Потом всё кончилось. Я открыл глаза, мать дала воды. Отец проснулся спокойным. И больше никогда не кричал по ночам.

Я забрал его кошмар. Тогда — случайно. Навсегда.

Став взрослым, я узнал, что таких, как я, называют «сомнологи-эмпаты» в узких кругах. А в народе — хранителями снов. Но правда грубее: мы — паразиты. Мы питаемся чужими страхами, перерабатывая их в кристаллы. Без этого дара я бы сошел с ума — чужие сны лезли в голову сами. Я научился контролировать это только к двадцати трем годам, закончив медицинский и защитив диссертацию по атипичным формам парасомнии.

Теперь у меня своя клиника. «Сфера» — на первом этаже старого купеческого дома на улице Садовой. Три кабинета, две комнаты для дневного сна, одна процедурная. И — моя святая святых — комната с полками. Там стоят хрустальные шары. Сейчас их двести двадцать три. Каждый — чей-то кошмар, который больше никогда не приснится человеку.

Шары разного размера: от горошины (детские страхи: монстр под кроватью, потерянная игрушка) до кулака (военные травмы, насилие, смерть близких). Цвета тоже разные: черные, серые, лиловые, иногда красные — если страх смешан с яростью. Самый тяжелый шар у меня — темно-фиолетовый, с прожилками. Я взял его у женщины, которую насиловал собственный муж семь лет. Она не могла спать в одной комнате с мужчинами вообще. После процедуры она уснула в моем кабинете и проспала четырнадцать часов. Проснулась с улыбкой. А я смотрел на шар и чувствовал, как он пульсирует в ладони, как сердце.

Шары не разлагаются. Не теряют силу. Они хранятся вечно.

Я никому их не показываю. Даже ассистентке Ларисе, которая работает у меня шесть лет, запрещено заходить в ту комнату. Я говорю, что там архив. Она не верит, но не лезет. Лариса умная.

Моя жизнь текла спокойно. Пациенты, сны, шары. Деньги — средние, но мне хватало. Я привык быть один. Жена ушла три года назад, сказала: «Ты спишь с чужими кошмарами, а со мной не можешь поговорить». Она была права. Я не умею говорить. Я умею забирать.

Вторник, 19 октября. Дождь. Лариса записала на вечер женщину — Веронику, преподавателя истории. В графе «жалобы»: «кошмары с физическими последствиями». Это меня насторожило. Физические последствия бывают редко — обычно это психосоматика: головная боль, тахикардия. Но Вероника написала: «ожог на запястье появляется после сна». Ожог. Настоящий.

Я посмотрел на свои руки. На правой, между указательным и большим пальцем, был старый шрам — след от сна моей матери, который я забрал в одиннадцать лет. Тогда я тоже получил физический ожог. Кошмар может ранить хранителя. Но пациент? Пациент не должен.

Я налил себе черного чая, подошел к окну. За стеклом — мокрые листья, одинокая машина, женщина под зонтом. Обычный вечер в Ветрограде. Я еще не знал, что этот вечер разделит мою жизнь на «до» и «после».

В 18:30 раздался звонок в дверь. Лариса уже ушла. Я открыл сам.

В дверях стояла Вероника. Тридцать пять, русые волосы собраны в пучок, глаза серые, но с красными прожилками — не спала несколько ночей. На левом запястье — свежий ожог, круглый, с четкими краями, как от сигареты. Она не курила. Она сразу это сказала:

— Я не курю. Я не пью. У меня нет врагов. Но каждую ночь в четыре утра я просыпаюсь от запаха крови и боли в руке. И вижу этот ожог. Он появляется во сне. — Она сглотнула. — Доктор, мне кажется, я не одна в своей голове.

— Садитесь, — сказал я. — Расскажите всё с начала.

Она села в кресло, зажала ладони между колен. И начала рассказывать. Я слушал, смотрел на ее ожог и чувствовал, как в груди разрастается холодное предчувствие. Я еще не знал, что это предчувствие — эхо чужого убийства, которое ждет меня в ее сне.

В тот вечер я сделал первый шаг в пропасть. И назад дороги уже не было.

Глава 2. Женщина, которая не спала

Вероника Сергеевна Ветрова работала на историческом факультете университета. Она специализировалась на истории повседневности XIX века — изучала, как люди спали, ели, любили и умирали сто пятьдесят лет назад. По иронии судьбы, она сама разучилась спать.

— Это началось три недели назад, — говорила она, теребя край платка. — Я легла как обычно, в половине двенадцатого. И вдруг — резкий рывок, как будто кровать провалилась. Я открыла глаза — но это был не сон и не явь. Я стояла в коридоре. Длинном, с зелеными стенами, с запахом хлорки. И пол был мокрый.

— Вы узнали это место? — спросил я.

— Нет. Никогда там не была. Но оно ощущалось знакомым. Как будто я там уже жила. Или кто-то другой жил, а я смотрела его глазами.

— Дальше.

— Дальше — крик. Женский. Не громкий, скорее всхлип. И потом я почувствовала боль в запястье. Такую, будто мне прижигают кожу. Я проснулась. На руке был ожог. — Она показала. — Сначала я подумала — прижигание во сне, бывает же. Но на следующую ночь — снова. Тот же коридор, тот же запах. И теперь я видела тень. Мужскую. Он тащил кого-то за шиворот. Я проснулась — ожог стал глубже.

Я попросил разрешения осмотреть ожог. Круглый, диаметром примерно сантиметр, края гиперемированы, в центре — белесое дно. Не похоже на химический или термический ожог. Скорее — на дерматографический след, но более агрессивный. Будто кто-то приложил к коже раскаленное клеймо.

— Вы обращались к врачам?

— К дерматологу, к неврологу, к психиатру. Дерматолог сказал: «Неизвестная этиология». Невролог назначил МРТ — чисто. Психиатр выписал антипсихотики. Я их пила две недели. Сны стали ярче, а ожоги — больше. — Она закатала рукав выше. На предплечье было три следа — разной степени заживления, но одинаковой формы. — Я перестала пить таблетки. И пришла к вам. Говорят, вы делаете то, что не могут другие.

— Говорят много чего, — я улыбнулся, чтобы разрядить обстановку. — Я не маг. Я сомнолог. Я работаю со сновидениями. Но то, что вы описываете — передача физического воздействия через сон, — это за пределами моей практики. Теоретически, если сновидение обладает высокой интенсивностью и связано с реальным травматическим событием, возможно соматическое отреагирование. Но чтобы ожог — Я покачал головой. — Так не бывает.

— А если бывает? — Вероника посмотрела мне прямо в глаза. В ее взгляде была не истерика, а спокойная, холодная решимость человека, который перепробовал всё и теперь готов на любой риск. — Я слышала про ваши хрустальные шары. Я знаю, что вы забираете кошмары. Заберите мой. Я заплачу любые деньги.

— Дело не в деньгах, — сказал я. — Если я войду в ваш сон и что-то пойдет не так, я могу не вернуться. Или вернуть вас с нарушенной психикой. Это рискованная процедура.

— А вы видите другой выход? — Она снова закатала рукав. Ожог пульсировал. Я бы сказал, что это игра света, но я слишком хорошо знал, как выглядит живой страх. Ожог дышал.

Я вздохнул. Достал из сейфа фокус-линзу — хрустальную подвеску, усиливающую мой дар. Проверил пульс у Вероники — 98 ударов, давление 130 на 85 — на границе тревожности, но в пределах допустимого.

— Хорошо, — сказал я. — Ложитесь на кушетку. Я буду рядом. Если вы почувствуете, что тонете — сожмите мою руку. Я вытащу вас.

Она легла. Закрыла глаза. Я положил правую руку ей на лоб, левую — на запястье с ожогом. И начал считать:

— Раз. Вы слышите мой голос. Два. Ваше тело засыпает, но сознание остается. Три. Вы входите в сон.

Она провалилась мгновенно — как камень в воду. Я последовал за ней.

Погружение в чужой сон похоже на ныряние в ледяное озеро: сначала темнота, потом давление, потом внезапно — свет, звук, запах. Я открыл глаза.

Я стоял в коридоре. Зеленые стены. Мокрый линолеум. Запах хлорки и — да, теперь я чувствовал отчетливо — железа. Кровь.

Вероники рядом не было. Зато в конце коридора хлопнула дверь. Я пошел на звук, стараясь не скользить. Мои шаги не оставляли следов — в чужом сне я был наблюдателем, почти призраком. Но я мог чувствовать. И то, что я чувствовал, заставляло волосы на затылке шевелиться.

Это был не просто кошмар. Это была могила.

Глава 3. Коридор

Я шел по коридору и считал двери. Слева — четыре, справа — три. В конце — еще одна, металлическая, с облупившейся краской. На полу — лужи. Не воды. Я наклонился, коснулся пальцем — красное, липкое. Кровь, но старая, почти черная.

— Вероника! — позвал я. Тишина. Только капли падают с потолка. Я поднял голову. На потолке — следы от рук. Чьи-то ладони оставляли кровавые отпечатки, будто человек полз по потолку. В моей практике было всякое — летающие монстры, падения в бездну, собственные похороны. Но потолок с отпечатками ладоней — это новое.

Я прошел первую дверь. За ней оказалась пустая комната с ободранными обоями и перевернутым стулом. Ничего. Вторая — ванная. Белый кафель, раковина, зеркало. В зеркале я увидел не себя. Там стояла Вероника — но с закрытыми глазами, и из ее запястья сочилась кровь, падающая в раковину. Я обернулся — за мной никого. Снова посмотрел в зеркало — пусто.

Третья дверь вела в спальню. Двуспальная кровать, сбитое белье, на подушке — темное пятно. Я провел рукой по простыне. Влажно. Запах пота и страха. Кто-то здесь лежал, не спал, ждал. Кто-то боялся.

— Пожалуйста, — прошептал голос за моей спиной.

Я резко обернулся. Никого. Но голос был — женский, молодой, без истерики, скорее усталый.

— Помоги мне, — сказал голос. — Он придет.

— Кто? — спросил я в пустоту.

— Тот, кто убил. Тот, кто каждую ночь возвращается. Я не могу уйти. Я застряла здесь.

— Ты — сон?

— Я была человеком. Теперь я — воспоминание. Он запер меня в своей голове, а она перепрыгнула в других. В эту женщину. Она не виновата. Вытащи меня.

Я понял. Кошмары редко говорят. Они — эмоции, а не личности. Но если воспоминание о травме настолько сильно, что обретает голос. Это значит, что человек, которому оно принадлежало, умер насильственной смертью. И его последние секунды впечатались в чью-то память, а потом — через сны — начали передаваться дальше, как вирус.

Я сделал шаг к выходу из спальни — и тут же оказался в ванной. Смена декораций произошла без щелчка, без затемнения. Просто я стоял в коридоре, а в следующее мгновение — уже в ванной, и передо мной была женщина. Молодая, лет двадцати пяти, в синем халате. Босая. Волосы мокрые. Она сидела на полу, прижавшись спиной к ванне, и смотрела на дверь.

— Он идет, — сказала она, не глядя на меня.

— Кто он?

— Он сказал, что я видела слишком много. Я работала у него секретарем. Два года. Я знала про счета, про девочек, про стройку. А потом он узнал, что я собираю документы. Я хотела в полицию. Он приехал ночью.

— Как его имя?

Она подняла глаза. В них не было страха — только усталость. И какая-то странная благодарность, будто она ждала этого вопроса годы.

— Ты не поверишь, — сказала она. — Он приходит ко мне во сне каждую ночь. Не просит прощения. Не мучает. Просто смотрит. И я вспоминаю. Каждый раз заново. Это хуже смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.